

Text originalu

«Норд-Ост». Новейшая история уничтожения

8 февраля 2003 года. Москва, 1-я Дубровская улица – известная теперь всему миру просто как Дубровка. В театральном здании, изображения которого только за три месяца до этого обошли все газеты, журналы и телеканалы мира, – бурный праздничный аншлаг. Фраки, вечерние платья, в сборе весь политический бомонд, охи, вздохи, поцелуи, объятия, члены правительства, депутаты, лидеры парламентских фракций и партий, роскошный фуршет...

Отмечают окончательную победу над «международным терроризмом» в нашей отдельно взятой столице – пропутинские политики уверяют, что победой является реанимация мюзикла «Норд-Ост» на террористических руинах. А 8 февраля – первое его представление после того, как 23 октября 2002 года, во время очередного вечернего спектакля, никем не охраняемое здание вместе с артистами и зрителями захватили и удерживали 57 часов несколько десятков террористов, прибывших из Чечни, чтобы таким образом принудить президента Путина к остановке второй чеченской войны и выводу войск из республики.

Не принудили. Никто ничего не вывел. Война как продолжалась, так и продолжается – без перерывов на сомнения в правильности ее методов. Изменилось только одно: ранним утром 26 октября произошла газовая атака против всех находившихся в здании людей (около восьмисот человек); и террористов, и заложников, применили засекреченный военный газ, тип которого, а значит, и свойства – теперь это уже точно известно – выбирал лично президент, и за газовой атакой последовал штурм силами специальных антитеррористических подразделений, в ходе которого все без исключения захватчики были ликвидированы вместе с еще почти двумя сотнями заложников, многие умерли без всякой медицинской помощи (тип газа засекретили даже от врачей, которые должны были спасать), но уже 26-го к вечеру президент не моргнув глазом объявил, что это победа России над «силами международного терроризма»...

...8 февраля на празднике о многочисленных жертвах этого «спасения»-уничтожения почти не вспоминали – в обществе уже очень заметно опрощение нравов, насаждаемое нынешним президентом. Просто гремела типичная модная московская тусовка, когда

многие, казалось, вскоре забыли, по какому поводу поднимают бокалы. Пели, плясали, ели, было много пьяных и говорили большие глупости, тем более циничные, что дело происходило прямо на братской могиле, даром что реконструированной ударными темпами. Все члены семей погибших в «Норд-Осте» заложников прийти на праздник категорически отказались, посчитав это кощунством. Президент тоже быть не смог, но прислал поздравительный адрес.

С чем поздравил? С тем, что никто нас не сломит. Адрес был выдержан в типичной советской риторике и сталинских подходах: людей, конечно, жалко, но интересы общества выше... Продюсеры горячо поблагодарили президента за понимание их коммерческих проблем и признались, что «зрители не пожалеют», если придут – мюзикл получил «новое творческое дыхание»...

Дальше – об обратной стороне этой медали. О тех, жизнями которых президент упрочил свое членство в международной антитеррористической коалиции, еще раз самоутвердившись. О том, как живут те, чью жизнь «Норд-Ост» не вдохновил, а, напротив, раскрошил и разломил. На «до» и «после». А также о тех, чью жизнь, единственную и неповторимую, он сломал навсегда. О жертвах, о которых наша нынешняя государственная машина старается забыть как можно скорее, и нас к этому всеми силами склоняет. Об этнических чистках после теракта. **О новой государственной идеологии, смертельно опасной для человека.** Путин говорил о ней неоднократно. И в его исполнении она звучит так: за ценой мы не постоим, не ждите. Даже если цена будет очень большой.

История первая.

Пятый

Московский мальчик Ярослав Фадеев – № 1 в официальном списке погибших при штурме. Как известно, государственная версия теракта такова: те четверо из заложников, которые скончались от огнестрельных ранений, были застрелены террористами, и только террористами, а штурмовавший театр спецназ ФСБ, родной службы Путина, не ошибается, и поэтому никого из заложников не убил.

Однако от фактов никуда не деться: в голове у Ярослава пуля, но при этом он не входит в официальный список «четверых, застреленных террористами», Ярослав – пятый с пулей. В графе «причина смерти» в официальной справке о случившемся, выданной его маме Ирине для похорон, – прочерк. Просто пустое место.

...18 ноября 2002 года Ярославу, десятикласснику московской школы, исполнилось бы шестнадцать лет. Ожидался большой семейный праздник и подарки – как у всех. Однако, стоя над гробом теперь уже навсегда пятнадцатилетнего мальчика и прощаясь, его дедушка, – московский врач, сказал: «Ну что, так и не побрились мы с тобой ни разу?...».

...Они пошли на мюзикл вчетвером: две родные сестры, Ирина Владимировна Фадеева и Виктория Владимировна Кругликова, со своими детьми, Ярославом и Анастасией. Ира – мама Ярослава, Вика – 19-летней Насти. Ира, Вика и Настя выжили – а Ярослав, единственный Ирин сын, единственный Викин племянник и единственный Настин двоюродный брат, погиб. При обстоятельствах, юридически так и не выясненных.

После штурма и газовой атаки Ира, Вика и Настя попали в больницу – их вынесли без сознания, а вот Ярослав потерялся. Вообще. Он не значился ни в одном из списков. Какая-либо точная официальная информация отсутствовала полностью, «горячая линия», телефон которой власти объявили по телевизору и радио, не функционировала, родственники заложников метались по Москве. Вместе со всеми были и друзья этой семьи, они прочесывали Москву, разбив ее морги и больницы на сектора проверки...

Наконец в «холодильнике» на Хользуновом переулке они нашли труп № 5714, внешне похожий на Ярослава. Но подтвердить, что это именно он, не смогли – в кармане его пиджака хоть и лежал паспорт на имя Фадеевой Ирины Владимировны, мамы, однако на страничке «дети» значилось совсем не то, что могло доказать, что это тот, кого они ищут: «муж. Фадеев Ярослав Олегович, 18.11.1988». А год рождения настоящего Ярослава – 1986-й...

– Когда мы находились ТАМ, – объяснит позже Ира, – я, действительно, положила сыну свой паспорт в карман брюк. На всякий случай. Потому что у него с собой не было никаких документов. Я рассуждала так: ростом он очень высокий, выглядит лет на восемнадцать, и я так боялась, что если бы чеченцы вдруг стали выпускать детей и подростков, то Ярослав в их число не попал из-за роста... И тогда, прямо в зале, тихонечко, опустившись под кресла, я сама вписала в свой же паспорт данные Ярослава, изменив год его рождения так, будто он подросток...

...Сергей, друг Ирины, приехал 27 октября к ней в больницу и сказал, что труп № 5714 найден – и о паспорте в брюках, и о схожести с Ярославом. Ира все поняла и сбежала из больницы – прямо через забор, в чем была, несмотря на мороз.

Дело в том, что выжившие заложники, перевезенные после штурма в больницы, и там оказались заложниками. По приказу спецслужб им было запрещено самостоятельно и по желанию уходить домой, они не имели права звонить и общаться с родными. Сергей проник в больницу, дав взятки всем, кто попадался на пути: медсестрам, охранникам, санитаркам, милиционерам, наша тотальная коррупция открывает даже наглухо задраенные двери.

И Ира сбежала... Из больницы – прямо в морг. Там ей показали фотографию на компьютере – она опознала Ярослава. Попросила привезти тело, тщательно ощупала его – и нашла два пулевых отверстия на голове. Входное и выходное. Оба были заделаны воском. Но какая мать, даже на ощупь, не отличит воск от тела собственного сына?... Сергей, сопровождавший Иру, был очень удивлен тем, что выглядела она совершенно спокойной, не рыдала, не билась в истерике – рассуждала здраво и без эмоций.

– Действительно, я была очень рада, что наконец нашла его, – рассказывает Ирина. – Я же, лежа в больнице, все к тому моменту уже передумала и все варианты перебрала. И своего поведения тоже – на случай гибели сына. В морге, поняв, что это действительно Ярослав, и, значит, моя жизнь закончилась, я просто делала то, как решила заранее. Спокойно попросила всех выйти из зала, куда привезли его тело из холодильника. Сказала, что хочу побыть с сыном наедине. Я так придумала специально. Ведь перед смертью я сыну кое-что пообещала... Когда мы ТАМ сидели, он мне сказал в конце последних суток, ночью, за несколько часов до газа: «Мам, я, наверное, не выдержу, уже сил нет... Мам, если что случится, как все ЭТО будет?». А я ему ответила: «Не бойся ничего. Мы и здесь вместе всегда были, и там будем вместе...». А он мне: «Мам, а как я тебя там узнаю?». И я ему: «Так я же тебя за руку держу все время, вот и

попадем туда вместе, держась за руки. Не потеряемся. Ты только не разжимай руку, держи меня крепко...». И что же в итоге получилось? Что я его обманула! А ведь мы никогда в жизни не разлучались. Никогда. Я поэтому и была так спокойна: и здесь, живые, были вдвоем, и там, мертвые, окажемся вдвоем... И вот когда я осталась с ним одна в морге, я ему сказала: «Ну вот, не волнуйся, я тебя нашла, и я к тебе сейчас успею». Никогда такого не было, чтобы мы в жизни разлучались, и я ему врала. Всегда и везде вместе. Вот почему я была так спокойна тогда... Я вышла через боковую дверь, чтобы не встретиться с друзьями, которые меня ждали, и попросила служителей выпустить через черный ход. Оказавшись на улице, поймала попутную машину, доехала до ближайшего моста через Москва-реку и прыгнула с него в воду. Но... Даже не утонула. Там были льдины – а я попала мимо льдин. Плавать не умею – а вода держит. Понимаю, что не тону, и думаю: «Ну, хоть бы ногу свело судорогой», – но и этого не произошло. И люди, как назло, подоспели и вытащили... Спросили: «Откуда ты? Что ты тут плаваешь?». А я им говорю: «Я из морга. Но не сдавайте меня никуда». Дала телефон, по которому позвонить, и за мной приехал Сергей... Я, конечно, держусь изо всех сил, но я мертвая. Я не знаю, как он там без меня.

...Очнувшись 26-го, после штурма, уже в больнице, Ира поняла, что лежит под одеялом абсолютно голая. Все остальные заложницы рядом – в своей одежде, а она – нет, только иконка зажата в руке. Когда смогла говорить, то стала просить у медсестер вернуть ей хоть что-то из ее одежды, но те объяснили: все, в чем ее привезли из «Норд-Оста», по приказу сотрудников спецслужб уничтожено, так как было залито кровью.

Но почему?... И чья это кровь? И откуда она, если официально там был только газ? А отключилась Ира, сжимая сына в объятиях?... И значит, тот, чья кровь, был расстрелян так, что кровь не могла не хлынуть на нее... Значит, это кровь Ярослава!

– Эта последняя ночь сначала была беспокойная, – вспоминает Ира. – Террористы нервничали. Но потом «Моцарт» (так мы его звали) – Мовсар Бараев, их главный, объявил, что до 11 утра сидите спокойно, появилась надежда. Чеченцы стали разбрасывать соки. Они их нам кидали. Не разрешали вставать с места, а если кому что-то требовалось, следовало поднять руку. И тогда тебе кидали сок или воду. Когда начался штурм, и мы увидели, как террористы забегали по сцене, я сказала сестре: «Прикрой Настю курткой», – а сама крепко обняла Ярослава. Я, в общем-то, не поняла, что пошел газ, – я просто увидела, как террористы занервничали. Ярослав был выше меня, и поэтому получилось, что это он как бы меня накрыл собою, когда я его

обняла... Потом отключилась... А уже в морге увидела: входное отверстие – именно с внешней от меня стороны. Выходит, я им закрылась. Пуля прошла через него и не попала в меня. Он спас меня... Хотя это я только и делала все 57 часов в заложниках, как мечтала его спасти.

Но чья была пуля?... Террористов? Или «своя»?... Проводилась ли баллистическая экспертиза? Каковы ее результаты?... И брали ли кровь с одежды на биохимический анализ с целью установить, чья она?

Никому в семье так и не известны ответы на эти вопросы. Все материалы по делу строго засекречены. Даже от матери. В морге, в книге учета, хоть и было вписано, что причина смерти – «огнестрельное ранение», но запись была сделана карандашом. Позже и эту книгу засекретили, и теперь никто не знает, стерли карандашную запись или оставили... «Стерли, конечно», – уверена семья.

– Сначала я думала на одну из чеченок. Пока мы ТАМ сидели, – рассказывает Ира, – она была все время рядом с нами. Она видела, что я, чуть опасность, шум, крики – хватаю сына и крепко держу его. Я сама виновата, что привлекла ее внимание, и она зацепила нас взглядом. Все время за нами следила, как мне казалось. А однажды встала рядом и сказала мне, пристально смотря на Ярослава: «А вот мой остался там ». То есть в Чечне. После этого ничего плохого с нами не произошло, но мне все время казалось, что отовсюду она следит за нами. Так что, может, она и выстрелила в Ярослава?... Я и сейчас спать не могу: вижу ее глаза перед собой – узкую полоску лица.

...Позже друзья объяснят Ире: нет, это не так, входное отверстие на теле Ярослава, если судить по его размеру, – не от пистолета. А у чеченок ведь были только пистолеты. И значит, вопрос тот же: все-таки, чья пуля? Кто ее выпустил?...

– Выходит, «наши», – говорит Ира. – Конечно, у нас были очень неудобные места... С точки зрения положения заложников – прямо у дверей. Нам не повезло... Кто входил, сразу же тут наш 11-й ряд. Когда в зал ворвались террористы, они первыми делом увидели именно нас. Но и когда «наши» появились, мы опять были первыми на дороге. Впрочем, Ира может анализировать, что и как было, сколько ей угодно. Ее точка зрения и догадки власти не волнуют. Государственная установка: четверо «огнестрелов», и ни одним больше. Ярослав – пятый, значит, вне официальной линии. Поэтому в свидетельстве о смерти Ярослава – трусливая пустота на том месте, где должна быть указана «причина смерти». Собственно, Ярослав даже официально и не признан потерпевшим по уголовному делу № 229133 – это номер так называемого «дела

«Норд-Оста», которое расследует следственная бригада Московской городской прокуратуры. Будто он и не был заложником...

– Меня убивает, что Ярослав жил, а теперь власти делают вид, что такого человека вовсе не было... – считает Ира.

Более того: как только Ира поделилась с некоторыми журналистами своими догадками, сомнениями и вопросами, ее тут же вызвали в прокуратуру, где ведут дело «Норд-Оста». Следователь был зол и начал с места в карьер: «Вы что это скандал устраиваете? Вы что, не знаете, что он НЕ МОЖЕТ быть с пулей?».

А дальше – хорошенько припугнул несчастную мать, и без того находящуюся в тяжелейшем моральном состоянии. «Или вы пишете сейчас заявление, что ничего журналистам не говорили и это они сами все придумали, и тогда мы привлекаем их к уголовной ответственности за клевету на спецслужбы – или мы разроем могилу вашего сына без вашего разрешения и проведем эксгумацию!»

Ира на подлый шантаж не поддавалась – заявления не написала. Попрошалась после четырехчасовой (!) «обработки» в прокуратуре и поехала напрямик на кладбище. Сторожить. Был поздний ноябрь – в Москве это самая настоящая зима. Ира пролежала на могиле, охраняя ее, несколько часов – думая, что вот-вот пожалуют мародеры из прокуратуры и потревожат покой Ярослава... И опять ее спасли от смерти друзья, стали искать по городу, когда ночью она не вернулась домой, – проверили, среди прочего, может, на могиле она...

...Ира верит: самое главное теперь, чтобы Ярослав услышал их и понял, как семья его ценит, и хотя жизнь у него не получилась и его настигла такая страшная смерть, он должен знать, что семья понимает, до какой степени мужественно он вел себя в последние часы, каким взрослым оказался, несмотря на неполные шестнадцать лет. Ведь мальчик слыл скромным и домашним, закончил музыкальную школу, пока другие ходили с пивом по улицам и тренировались в сквернословии... И очень страдал от этого – хотел быть «крутым», в понимании подростка, конечно, то есть решительным, смелым, стойким...

У него была одна важная тетрадка – дневник, из тех, что есть в его возрасте почти у каждого из нас, и там он отвечал на некоторые главные для себя вопросы. Ира прочитала тетрадку уже после «Норд-Оста». Например, такое: какие черты характера в себе тебе нравятся, а какие – нет? Ярослав написал: «Ненавижу, что я такой трус, стеснительный и нерешительный». Так вот, перед смертью все изменилось. «А чтобы ты хотел в себе воспитать?» – следующий вопрос. Ответ Ярослава: «Я хотел бы быть

крутым». У него были в школе друзья, но это те ребята, которые в школе не считаются крутыми и девочкам не нравятся. Дома он себя еще мог проявить, был с юмором, смелый, решительный. А как на улицу – начинались проблемы.

– Но, видите, как себя проявил... Самым лучшим образом, – Говорит Ира.

Все обычно внутри человека. Человек часто просто не знает, как проявить себя, и нужно найти то место, где приложить свои силы, продемонстрировать их. А внутри про себя человек все знает... И Ярослав, конечно, знал... Ира теперь это понимает, но ей очень мешает недосказанность – что при жизни она, хоть и мать, но недосказала сыну, как восхищена им...

– Меня, например, считают сильным человеком, – рассказывает Вика, тетя Ярослава, тоже заложница. – Но ТАМ я очень растерялась. Мы, три женщины, оказались рядом с ним, самым младшим из нас, но именно он нас поддерживал, как совершенно взрослый мужчина, – а не мы его, ребенка. У дочки моей нервы совсем сдали, она была сломлена и кричала: «Мама, я жить хочу, мама, я не хочу умирать...». А он был спокоен и мужествен, Настю успокаивал, нас поддерживал, пытался брать все на себя – как положено мужчине... Был, например, такой случай: одна из чеченок увидела, что мы детей между собой посадили, пытаемся сохранить... На случай штурма: если штурм начнется, думали с Ирой – их собой накроем. Чеченка тогда встала между нами, свою руку с гранатой положив прямо на Настино бедро. Я говорю: «Может, вы отойдете?», а она на Настю смотрит и произносит следующее: «Не бойся, раз я рядом стою, вам не больно будет, вы сразу умрете, а вот кто дальше сидит, тому будет больно...». Потом чеченка ушла, а Настя мне говорит: «Мам, пусть она останется с нами, попроси, она же сказала, что нам будет не больно». Настя была сломлена. Я-то понимала, что если чеченка стоит рядом, шанса вообще никакого, а без нее – хоть какой-то. Но если бы нужно было бы все повторить – еще столько же в страхе просидеть, чтобы всем остаться живыми, – просидели бы. В этой обстановке Ярослав сохранял спокойствие и разум. Это меня очень удивляло – он у нас считался маленьким в семье, ребенком... Еще был случай: нас террористы пугали, что если никто не придет на переговоры, то начнут расстреливать, и в первую очередь работников милиции и военнослужащих. Естественно, многие тогда повыбрасывали на пол военные билеты, но террористы их поднимали и со сцены выкрикивали фамилии. И вот звучит: «Виктория Владимировна, 1960-го года рождения...». Это я. У меня только фамилия другая – они выкликали не мою. Ситуация была очень плохая, никто не отозвался, террористы стали искать по рядам, нашли меня. Ира говорит: «Мы пойдем вместе», – террористы требовали, чтобы

сотрудники правоохранительных органов уходили с ними, и все думали, что на расстрел. Я Ире ответила, что кто-то из нас должен выжить – родители останутся совсем одни, ведь вся семья тут... Потом террористы нашли ту Викторину Владимировну, которую искали, но пока все было неясно, Ярослав пересел ко мне, взял за руку и говорит: «Тетя Вика, вы не бойтесь, если что, с вами пойду я, и простите меня за все, простите...». А я ему: «Да ты что... Все будет хорошо». Он закрыл меня и продолжал: «Тетя Вика, и не думайте, я до конца останусь с вами». Вел себя, как взрослый мужчина. Даже не знаю, откуда в нем такой дух взялся. Мы его маленьким считали...

Большую часть времени Ярослав-заложник молчал, и внешне был спокоен.

– А сердце у него колотилось очень сильно! – вспоминает Ира. – Мимо проходил врач – среди заложников были врачи, и им разрешали помогать нам, я его попросила что-нибудь от сильного сердцебиения. Ему дали таблетку, и вскоре все нормализовалось. Когда же штурм был уже близко, я ему таблетку глицина положила под язык – нашла в сумочке. Я еще потом много думала, что этой таблеткой он подавился и задохнулся.

– Ира, ты дала ему глицин часа за три до штурма... – мягко парирует Вика.

А Сергей вздыхает:

– Да у них ТАМ не было чувства времени...

Вика подхватывает:

– Страшно было, очень страшно. Они нам давали слушать по радио, что о нас говорят... Так мы поняли, что президент молчит, а Жириновский заявил, что нечего на этот теракт время в Думе тратить – обсуждать не надо, потому что все надувательство и в здании – не взрывчатка, а сахарный песок... А террористы нам: «Вот что о вас говорят... Ну, мы вам сейчас покажем, какой тут у нас сахарный песок...». Страшно было.

Когда первые сутки прожили, казалось, что мы можем и неделю здесь просидеть, только чтоб живыми остаться – и власти что-то придумали без штурма. Трудно нам было – сложно сохранять спокойствие... Но Ярослав выдержал – вел себя, как настоящий мужчина.

...Ирина жизнь сейчас полностью изменилась. Она не работает, уволилась по собственному желанию – не может каждый день ходить туда, где была раньше, при Ярославе. Потому что и на работе все – Ярослав. Там очень хороший коллектив, все

знали обо всех многое, и они, например, вместе справляли каждый сданный Ярославом экзамен, каждую полученную пятерку...

– Там все знали, что моя настоящая жизнь – это Ярослав. Моя жизнь была настолько им заполнена, что меня если и воспринимали, то только через него. – Ира, конечно, плачет. – Да и сама я себя так воспринимала. Только через него.

Сейчас она не может ходить и по Москве – все улочки тут исхожены вместе с сыном, и куда ни повернешь, везде воспоминания о нем.

– Еду по Арбату, и лучше бы провалиться... Там стояла с Ярославом, здесь ходили в кино, сидели после в кафе... Я теперь боюсь из дома выходить... Боюсь куда-то попасть, где мы были – а мы были с ним везде. Вернее, нет места в Москве, где я бы была не с ним. Мы часто ездили просто так: я подхватываю его на машине после работы, и мы просто включим музыку и едем по городу. Часто заходили в один магазинчик, что-то вкусненькое купить... Когда был день его шестнадцатилетия – без него уже, я заехала в этот магазинчик, – чтобы он знал, что я ему продолжаю покупать то, что он любит... Вот – билеты. На ночной поезд в Питер. В ночь на пятницу, с 25 на 26 октября, как раз когда он погиб, мы должны были ехать в Питер на теннисный турнир. Вдвоем. Я давно хотела с ним на поезде куда-то съездить, потому что у меня все время было чувство, что мы мало разговариваем. А в поезде, где мы только вдвоем, наговорились бы... Не получилось.

– А почему вы говорите, что не могли наговориться?

– Не знаю. Странное чувство: хоть и много говорили, все равно казалось именно так. Мне хотелось говорить и говорить с ним. Каждые каникулы куда-то ездили, и только вместе. В последнее время мне иногда казалось, что его тяготит моя любовь, он мне этого, конечно, не говорил, а с бабушкой, моей мамой, как-то поделился. Ему уже становилось многовато меня. А я теперь еду по Москве и вижу рекламный плакат у дороги: «Мама, я так тебя люблю». И мне эта реклама прямо в глаза бьет... Я очень стараюсь жить, потому что у меня родители есть, и они очень тяжело переживают – они Ярослава растили. Но я не могу выжить... Я держусь из всех сил, но пока мертвая. Ей все вокруг пытаются помочь, поддержать – она не обделена вниманием близких, но все равно очень тяжело. И даже священник, к которому она пошла облегчить душу, услышав все, не выдержал – отказался продолжать разговор: «Простите, но слишком тяжело».

– Я пошла спросить совета у священника, как же мне быть? Ведь это я Ярослава вытащила на «Норд-Ост» – моя была инициатива, он сам не очень хотел, – говорит

Ира, на фотографиях до теракта – красивая, уверенная в себе, пышущая счастьем и, похоже, склонная к полноте очень молодая женщина, теперь – осунувшаяся, худенькая, с отчаянием в потухших глазах, далеко не юная, растерянная, всегда в черном пальто, черном берете, черных туфлях и колготках, вечно продрогшая, и потому никогда не снимающая в комнате пальто.

– Мы с Ярославом очень много ходили в театр. В этот вечер у нас были билеты на совсем другой спектакль в другом театре, – продолжает Ира. – Мы уже оделись, Вика с Настей зашли за нами, и тут, стоя в прихожей, мы поняли, что билеты просрочены – мы не проверили заранее, а они были на вчерашний день. Ярослав обрадовался – он хотел остаться дома, а я настояла: «Давайте пойдём на «Норд-Ост», рядышком!» – мы живём по соседству с Дубровкой. Вот так, потащила – а потом не закрыла собой... Он меня закрыл... А я ведь в школу даже ходила – защищать его друзей от хулиганов, когда кого-то обижали, – а его самого в последний миг не спасла. Страшно, когда для своего сына не можешь сделать главного. ТАМ я очень отчетливо поняла, что даже если встану и скажу: «Убейте меня вместо него», и меня даже убьют, это бы не означало, что его оставят в живых. Знаете, какой это ужас? Последнее, что он мне сказал: «Мам, я так хочу тебя запомнить, если что-то случится...». Посмотрел на меня внимательно и попрощался.

– Вы ТАМ постоянно такие разговоры вели?

– Нет. Но почему-то случилось так, что это и был наш последний разговор. Знаете, пока у меня был Ярослав, я вставала по утрам самой счастливой женщиной на свете. И засыпала с тем же чувством. Мне казалось даже: все вокруг завидуют, что у меня такой замечательный сын. У всех людей много проблем в жизни, и у меня, конечно, тоже. Но он закрывал все мои проблемы. Я думаю теперь, что нельзя было быть такой счастливой. Пятнадцать лет его жизни я была самой счастливой. Наверное, так я думаю теперь: эти пятнадцать лет его жизни, по интенсивности наших чувств – были предназначены на всю жизнь, а я их сразу спалила, подряд. Все дни с утра до вечера я была счастливой – потому что у меня есть Ярослав. Я каждый день сама себе завидовала. Иду с работы и сама понимаю, что меня прямо распирает от счастья, что он есть. Я его за руку возьму, хоть за пальчик схвачу, когда через дорогу перебегаем. А он стал взрослеть и мне говорил: «Ну, ты, мам, уж совсем». Он меня, конечно, уже начал немного стесняться – возраст был такой, но на самом деле, он меня никогда ничем не обидел. Конечно, я понимаю, каждая мама так может о своем сыне сказать, но моего ведь теперь нет... И я не знаю, что может быть страшней. И еще я не знаю, как он там

без меня. Как я думала раньше? «Как мне повезло! Он родился, и я, наконец, получилась целая». И вот он погиб – и я одна: либо надо было нас обоих забирать – либо никого. Я без него еще не умею... Я такую счастливую жизнь рядом с ним прожила, и такой тяжкий конец ему устроила. И к шестнадцатилетию подарила ему могильную оградку.

Как же она плачет...

– Но это же не вы подарили...

– Война это... Война идет, – все повторяет и повторяет Вика. – Вот и по нам прошла...

И я понимаю, что это, конечно, очень частная жизнь передо мной – личная жизнь двоих – но перед смертью переходящая в общественную. Таковы обстоятельства в России: президент неумолим и ведет войну.

История вторая.

№ 2551 – «неизвестный»

Перед тем как рассказать эту историю – необходимая преамбула. Она – и о том, какая жизнь в стране после «Норд-Оста», и о состоянии российской судебной системы при Путине.

Дело в том, что суд никогда не был у нас особенно уж независимым, как это можно было бы ожидать, исходя из нашей Конституции. Однако именно теперь судебная система бодро мутирует в разряд абсолютно зависимой от исполнительной власти, достигая апогея своей «позвоночности». Таким словом у нас называют явление, когда судьи выносят решения «по звонкам» – в зависимости от того, какое решение продиктовали им по телефону представители исполнительной власти. «Позвоночность» – явление обыденное в России. А неожиданная независимость какого-то судьи-одиночки массовым сознанием причисляется к подвигу.

Жертвы «Норд-Оста», как их у нас теперь называют – то есть семьи, потерявшие при штурме родных, а также сами заложники, ставшие инвалидами в результате газовой атаки 26 октября – стали обращаться с судебными исками к государству о возмещении нанесенного им морального вреда, называя ответчиком московское правительство. Жертвы заявили, что они уверены: чиновники московского правительства, не желая ссориться с Путиным и ФСБ, просто-напросто не организовали оказание своевременной квалифицированной помощи пострадавшим, и их ответственность усугубляется еще и тем, что столичный мэр Юрий Лужков, глава исполнительной власти города, был одним из тех немногих персон, кто непосредственно склонял президента к принятию решения о применении химического оружия против граждан.

Первые иски поступили в Тверской межмуниципальный суд Москвы (районный, самый низший судебный уровень) в ноябре 2002 года. К моменту начала рассмотрения первых трех исков по существу – 17 января 2003 года, федеральной судьей Мариной Горбачевой, их было уже 61, сумма требуемой компенсации составила рублевый эквивалент 60 миллионов долларов, а истцы заявляли, что это цена «государственной лжи», потому что прежде всего они «хотят знать правду, почему погибли их близкие», правду, которую нигде не могут добиться, так как ФСБ засекретила все, связанное с октябрьским терактом. А так как затрагивалась ФСБ – служба, которую Путин, выходец из нее, опекает и патронирует, – подготовка к судебным слушаниям проходила на фоне оголтелой пропаганды, поднятой государственными СМИ против истцов.

Власти публично обвиняли их в наглom мародерстве бюджета страны, в том, что они «хотят деньги пенсионеров и детей-сирот», и в том, что пытаются нажиться на смерти своих близких. На адвоката Игоря Трунова, согласившегося защищать «норд-остовцев» (на фоне того, что ВСЕ ЗНАМЕНИТЫЕ московские адвокаты, боясь гнева Кремля, ОТКАЗАЛИСЬ), – на Трунова в прессе вылили ушаты помоев, обвинив его во всех смертных грехах.

Короче, власти отбивались от «норд-остовских» исков нагло, с напором, со всем доступным им мощным пиаром.

Будто бы не они... А их... Убили.

В результате, 23 января судья Горбачева, как и положено нашим «позвоночным» судьям, оперевшись на подчеркнуто формальный предлог (в федеральном законе «О борьбе с терроризмом» якобы разночтения и противоречия в разных его статьях: судя по одной, можно считать, что государство не обязано возмещать ущерб жертвам терактов), – Горбачева отказала первым трем истцам в их требованиях. Да не просто отказала, а сделала это так же нагло, с напором и бессовестно, как и власти, которые ее об этом попросили, превратив заседания по «норд-остовским» искам в череду недопустимых оскорблений истцов и унижений их.

Вот как это было – короткие наброски с заседания 23 января, чтобы читатель понимал, как это бывает.

– Карпов, сядьте! Я сказала: сядьте!

– Я тоже хочу высту...

Судья Горбачева на полуслове, криком, перебивает истца Сергея Карпова – отца задохнувшегося от газа Александра Карпова, известного московского певца, поэта и переводчика:

– Сядьте, Карпов! Иначе удалю! Вы прогуляли стадию исследования документов...

– Я не прогулял! Мне же просто не прислали повестку!

– А я говорю: вы прогуляли! Сядьте! Или я вас удалю!

– Я хочу подать...

– Ничего я у вас не приму!

У судьи – истеричное лицо, пустые глаза и базарные интонации, срывающиеся на короткий каркающий клекот. Одновременно с криком в сторону истца она вычищает грязь из-под своих ногтей. Смотреть на это невыносимо. Но экзекуция Сергея Карпова продолжается:

– Карпов, больше не тяните руку!

– Я прошу, наконец, разъяснить мне мои права!

– Никто вам ничего разъяснять не будет!

Давно не метенный зал судебных заседаний полон народу. Журналисты, которым запрещено пользоваться диктофонами (почему, собственно? Какие госсекреты тут?). Жертвы с растерзанными душами – с ними и заговорить-то страшно, потому что почти сразу плачут. Их родные и друзья, пришедшие поддержать, если вдруг начнутся обмороки и сердечные приступы – но дама в судейской мантии продолжает взвинчивать атмосферу до сотого градуса хамства.

– Храмцова Вэ И, Храмцова И Эф, Храмцов! Есть реплики? Нет? – Судья именно так и зовет истцов, без затей: «Вэ И», «И Эф», «Тэ И»... Будто полуграмотная.

– Есть реплики, – отзывается высокий и худой молодой мужчина.

– Храмцов! Говорите! – Дама произносит это «говорите» тоном «вот вам рубль милостыни, и заткнитесь».

Александр Храмцов, похоронивший отца – артиста оркестра мюзикла, трубача, начинает говорить, и почти сразу в его голосе слезы:

– Мой папа объездил с оркестрами и выступлениями весь мир. Представлял всюду нашу страну и город. Потеря невозполнимая. Неужели вы этого не чувствуете? Это же вы проворонили террористов, вы – Москва. Они спокойно тут разгуливали. Да, за штурм вы, конечно, не отвечали. Но почему в 13-ю больницу привезли 400 человек, а там персонала – всего 50, и они не могли успеть подойти ко всем? Они умирали, не дождавшись помощи... И папа так умер...

У дамы в мантии, восседающей в судейском кресле, – совершенно отсутствующий вид. Нет и следа, что она слушает. И даже слова о причинах смерти музыканта Федора Храмцова ее не трогают. Она лениво перекладывает бумажки с места на место, чтобы хоть чем-то убить время, ей скучно и грустно, еще – изредка смотрит в окно, охорашивается, поправляет воротничок, опять краем глаза скользит по темному стеклу, почесывает ухо, наверное, сережка чешется.

А сын продолжает. Естественно, обернувшись к троице ответчиков за боковым столом – это «представители Москвы», сотрудники юридических управлений столичного правительства. А куда еще смотреть Александру Храмцову? Не на судью же, которая разглядывает свой маникюр?...

– Почему не допустили к зданию хотя бы студентов-медиков, если врачей не хватало? Хотя бы в автобусы, на которых перевозили заложников? Они бы присматривали за «нашими» по пути в больницы... Ведь они там умирали, потому что лежали навзничь!

– Храмцов! – перебивает Горбачева нервно, перехватив взгляд истца. – Куда это вы смотрите? На меня положено смотреть!

– Хорошо... – Александр поворачивает голову обратно в направлении судейского кресла. – Они ехали и задыхались... Ехали и задыхались...

Саша плачет. Да и как это все выдержать?

За его спиной плачет мать, Валентина Храмцова, – вдова трубача. Она, вся в черном, сидит на первом ряду, сразу за трибункой для свидетелей, где стоит Саша, – Горбачева не может не видеть ее. Рядом с Валентиной – Ольга Миловидова, уткнулась лицом в платок, ее плечи вздымаются вверх двумя островерхими горбиками, но она все-таки сдерживает рыдания, только чтобы не издать ни звука – все истцы знают: судью нельзя злить, иначе она вообще может всех выгнать, и надо будет стоять несколько часов за дверью, а это очень тяжело. Ольга – беременная на седьмом месяце, в «Норд-Осте» у нее погибла старшая четырнадцатилетняя дочка Нина, она была зрительницей – Ольга сама купила девочке билет, и та пошла 23 октября на «этот проклятый спектакль», как говорит сегодня Ольга. «Почему вы нас унижаете? – вскрикивает Татьяна Карпова, мать погибшего Александра Карпова и жена Сергея. – За что?». Зоя Чернецова, мать задохнувшегося от газа московского студента Данилы Чернецова двадцати одного года от роду, подрабатывавшего в «Норд-Осте» по вечерам капельдинером, встает и выходит прочь, и уже из-за двери слышен ее громкий отчаянный плач вперемешку со словами: «Я ждала внуков...¹ А дождалась судебного процесса, где меня мордой об стол...».

Судебная культура в стране отсутствует, как платье у голого короля. Вкупе с истинной судебной властью. Ведь вот что получилось тут, с судьей Горбачевой: хорошо, тебя ангажировали те, кто считает, что это они тебя содержат, а вовсе не мы, граждане, и ты, под страхом лишения привилегий и сословных льгот (у наших судей их немало, и они, действительно, делают их быт куда более привлекательным, чем жизнь рядового гражданина с низким достатком), ничего не можешь сделать для несчастных пострадавших, как только отказать им во всех без исключения их требованиях...

Хорошо, пусть так... Допустим...

Но зачем же хамить? Измываться? Оскорблять? А потому – добивать и без того добитых?... Ведь кто такая судья Горбачева? Столь рьяно стоящая на страже московской казны? Вроде бы ответ прост: она – представитель одной из ветвей власти,

¹ юная вдова ее сына была беременна и у нее случился выкидыш на девятый день после похорон Данилы. – Прим. авт.

которую мы и содержим на те налоги, которые платим в казну. То есть живет судья исключительно на наши деньги – это мы оплачиваем ее профессиональные услуги, а не она – наши. Так почему же никакого уважения к плательщику? И не для того же, в самом деле, мы содержим судью Горбачеву, чтобы, вместо благодарности и уважения к нам, она нас же и оскорбляет... Как ей вздумается. И когда ей вздумается...

Вы думаете, об этом писали в государственных СМИ? И говорили в подобном тоне о «норд-остовских» судах на гостелеканалах? Нет, конечно. День за днем СМИ доводили до сведения граждан: официальная поддержка властей – у судьи Горбачевой, она – права, она – на страже государственных интересов, которые превыше личных.

Такова наша новая отечественная идеология. Путинская идеология. И тут никуда не деться от правды жизни: она была впервые опробована на Чечне. Именно тогда, при восшествии Путина на кремлевский престол, под грохот бомбардировок времен начала второй чеченской войны, – наше общество в первый раз совершило трагическую и абсолютно безнравственную, от традиционного нежелания задумываться, ошибку: оно игнорировало реальное положение дел в Чечне, то, что бомбят не лагерь террористов, а города и села, что гибнут сотни безвинных, – и вот тогда большинство находящихся в Чечне людей чувствовали (и продолжают чувствовать) свою полнейшую и кромешную безысходность. Когда, забрав с концами их детей, отцов, братьев незнамо куда и по необъявленному поводу, военная и гражданская власти говорили (и говорят) там семьям: «Утритесь. Все. Не ищите. Этого требуют высшие интересы войны с терроризмом». Говорят и бесятся, когда осиротевшие матери взрываются: «Ответьте же, почему сыновей убили?».

Общество молчало три года. Почти молчало. В подавляющем большинстве снисходительно взирая на все, что именно таким образом творилось в Чечне, и цинично игнорируя мнения тех, кто предрекал нам бумеранг, поскольку власть, привыкшая себя вести таким образом в одном регионе, не захочет останавливаться и станет испытывать терпение так же и тех, кто совсем не в Чечне...

Все то же самое опять. «Норд-остовцам» (жертвам теракта и семьям погибших) фактически говорят: «Утритесь. Забудьте. Так надо. Высшие интересы выше ваших личных». То есть по отношению к жертвам власть ведет себя точно так же, как три с лишним года подряд ведет себя по отношению к мирному населению в Чечне. Быть может, несколько лучше: на 50 и 100 тысяч рублей лучше, ведь на сей раз она выдавила из себя хотя бы компенсации на похороны. Ну а в Чечне и этого-то нет.

А общество? Наш народ? В целом сострадания нет – сострадания как общественного движения и публичного, заметного порыва, который власть не смогла бы пропустить мимо ушей. Все как раз напротив: развращенное общество опять хочет себе комфорта и покоя ценою чужих жизней. И бегом несется прочь от трагедии «Норд-Оста», желая скорее поверить государственной мозгопромывочной машине (так проще), чем сути и даже соседу, попавшему в такой ужасный переплет.

...Спустя час после выступления Саши Храмцова судья Горбачева скороговоркой прочитала решение в пользу московского правительства. Все покинули зал, в нем остались только «победители»: Юрий Булгаков, юрист департамента финансов города Москвы, Андрей Расторгуев и Марат Гафуров, советники правового управления столичного правительства.

– Что, празднуете? – сорвалось с языка.

– Нет, – вдруг грустно заговорили все трое сразу. – Мы же люди. Мы все понимаем... Это позор, что наше государство так себя ведет по отношению к ним.

– Так почему же?... Вы?... Не уйдете со своей позорной работы?

Промолчали. Московский вечер принял нас в свои темные руки. Одних проводив в теплые дома, наполненные смехом родных и любовью близких. Других – в гулкие квартиры, навсегда опустевшие 23 октября. Последним, сгорбившись, уходил седоголовый немолодой человек с выразительными глазами – все заседание он ни во что не вмешивался, просидел тихо, сдержанно, в углу...

– Как вас зовут? – догнала его.

– Тукай Валиевич Хазиев.

– Вы – сам заложник?

– Нет. У меня сын погиб...

– Мы можем встретиться?

Тукай Валиевич неохотно дал телефон...

– Не знаю, как жена?... Поймите, даже лишний раз говорить на эту тему ей непросто...

Ну, хорошо, позвоните через недельку, я ее подготовлю...

И это не просто слова – московская семья Хазиевых действительно прошла через настоящий отечественный ад. Она не просто похоронила 27-летнего Тимура, артиста оркестра «Норд-Оста» – сына, внука, отца, мужа, брата. Она хлебнула при этом сполна самого страшного и главного – той самой господствующей идеологии, которая и стала в итоге настоящей убийцей Тимура. Не думайте, что тут есть хоть какое-то преувеличение.

... – Ну, неужели Путину трудно было пойти хоть на какой-то компромисс с чеченцами? С террористами? – все повторяет и повторяет Тукай Валиевич, отец теперь без сына. – Кому было нужно это его «упорство»?... Нам, например, не нужно... А мы ведь тоже граждане.

Тукай Валиевич – один, кто в этом доме на Волгоградском проспекте в Москве не плачет, говоря подобные слова. Роза Абдуловна, жена его, Таня, юная вдова Тимура, 87-летняя бабушка не могут сдерживать себя, думая о том, что теперь навсегда с ними. Вокруг взрослых, как маленькая ракета, носится светловолосая Сонечка, трехлетняя дочка Тимура, – ее третий день рождения Тимур уже не праздновал, потому что он был после «Норд-Оста».

Накрывают на стол, Сонечка влезает на стул с ногами – по-другому ей не достать, – берет самую большую чашку и... «Это папе. Она папина! Не занимать!» – чеканит слова твердо и бескомпромиссно. Бабушка Роза ей однажды объяснила, что папа теперь на небе, как и ее, бабушкин, папа, и что он не сможет больше приходить, но ребенок мал и никак не поймет, почему, собственно, «не может», если она, его любимая Сонечка, так его ждет...

– Я верил в силу государства, – говорит Тукай Валиевич. – Почти до самого конца этих трех суток захвата верил. Думал, спецслужбы что-то придумают, договорятся, пообещают, тумана наведут – и все разрешится... Не ожидал, честно говоря, что сделают так, как посоветовал Жириновский за сутки до штурма – напомним, он сказал, нужно просто потравить всех газом, часа два, мол, поспят, встанут и побегут... Не проснулись. И не побежали.

...Вся жизнь москвича Тимура Хазиева оказалась связана как с музыкой, так и с Домом культуры Шарикоподшипникового завода на 1-й Дубровской улице – сюда он ходил с детства, в музыкальную студию «Лира», здесь и смерть нашел, поступив в оркестр мюзикла, арендовавшего именно этот ДК для представлений.

У родителей – Тукая и Розы – раньше была поблизости комната в коммунальной квартире, и два их сына – Эльдар (старший) и Тимур (младший) учились в ДК игре на аккордеоне. Педагоги советовали Тимурю продолжать занятия – талантливый был мальчик, и когда после десятого класса пришло время выбирать, то он, за год (!) пройдя почти самостоятельно, лишь с помощью своего педагога по аккордеону, курс музыкальной школы по ударным инструментам, поступил сначала в училище духового искусства, четыре курса которого также осилил за три года, а потом и в Академию музыки имени Гнесиных – знаменитую Гнесинку, о чем так мечтал.

Педагог звал его «рафинад» – имея в виду, что рафинированный, утонченный, интеллигентный, палочки барабанные держал по-особенному, аристократично...

Однако, параллельно с Гнесинкой, Тимур много работал – в духовом и симфоническом оркестрах Министерства обороны. Успел съездить с военным оркестром на гастроли в Норвегию, должен был играть и в Испании, но поездка была намечена на жизнь, которая планировалась после 23 октября.

– Вот, приготовила его форму... И фрак концертный, – твердо, чтобы не распускаться, говорит Роза Абдуловна, открывая шкаф. – Все никак не заберут... Из Министерства обороны.

Сонечка, пролетая мимо нас, тут же хватает фуражку с блестящей кокардой, водружает себе на голову и скачет по комнате: «Папина! Папина!». Таня, не в силах выдержать сцену, уходит прочь.

...Когда и Гнесинка была позади, Тимур предложили поиграть еще и в оркестре «Норд-Оста». Это была его третья по счету работа, но он согласился. Потому что уже был женат, рос маленький ребенок, Таня пошла воспитательницей в детский садик (с соответствующей зарплатой, хоть и после Академии ритмического искусства, будучи актрисой и режиссером) – все ради Сонечки.

Можно, конечно, не верить ни во что – ни в мистику, ни в предчувствия. Но...

– За месяц до теракта Тимур перестал спать, – рассказывает Таня. – Я проснусь под утро, а он сидит. Спрашиваю: «Ложись, ну что ты маешься?». А он: «Тревожно мне что-то...».

В семье считали, что Тимур просто очень устал. Его день начинался рано-рано: он вез Сонечку с Таней в детский садик на машине. Оттуда сразу заезжал к родителям: позаниматься, его инструменты стояли тут – последнее время разрабатывал левую руку и радовался, что у него «все пошло», и еще пара лет, говорил Тане, и он станет классным ударником. Позанимавшись, опять вскакивал в машину и ехал на репетицию военного оркестра, а уж оттуда, в перерыве привезя дочку с женой домой из детского садика, отправлялся на «норд-остовский» спектакль. Возвращался домой ближе к полуночи, и с раннего утра все начиналось заново. Говорят: он производил впечатление человека, который очень спешит жить. Почему? Ведь только 27?... На этот вопрос теперь никто не ответит. Как и на другой: почему 23 октября Тимур оказался в «Норд-Осте»? Ведь – опять мистика...

– Это была среда, – рассказывает Таня. – Мы так установили дома, что среда – наш семейный свободный вечер. По средам в «Норд-Осте» обычно играл другой ударник,

но именно в этот день он вдруг упросил Тимура подменить, потому что его девушка категорически потребовала в этот вечер быть с ней – спасла своего парня... А мой подменил – безотказный был человек – и погиб.

... – Поймите, не хочется же, чтобы вещи родного человека где-то валялись. Ведь так? – спрашивает Роза Абдуловна. – Вот мы и поехали ТУДА...² Конечно, ни мобильного телефона – Тимур только-только стал вставать на ноги и купил его, ни новых его вещей.

...ТАМ, рядом с вещами, у Розы Абдуловны, конечно, случилась истерика – родителям отдали лишь его старую куртку с отпечатком армейской бутсы на спине и футболку. Больше ничего.

Мы очень стали простые – опростились за последние годы. А также опустились. Сильно заметно это – и все заметнее, по мере того как война на Кавказе продолжается, превращая многие табу в обычный быт. Убить? Нормально... Ограбить? Ну и что такого?... Трофеи? Закон. За преступления не осуждают не только в суде, но и в обществе. Все дозволено, что обычно было запрещено... Ведь, казалось, вся страна в эти страшные октябрьские дни захвата заложников в едином порыве – думала, как помочь, молилась, надеялась и ждала...

И – ничего не могла сделать: спецслужбы никого никуда не пропускали, уверяя, что все у них под контролем... И как теперь смириться, что часть этих «особо допущенных» в то же самое время просто выбирала себе трофеи? Поновее? И по размерчику?... Ведь так это выглядит со стороны – только так. И семьям погибших уже никогда не избавиться от памяти этих своих октябрьских чувств. Даже если им всем возьмут да и выдадут по миллиону долларов компенсации за понесенный моральный вред. Память останется навсегда.

...Впрочем, судя по футболке, Тимур в ней где-то на улице валялся. Роза Абдуловна так и не смогла отстирать эту нашу знаменитую московскую уличную грязь – полубензин, полумасло...

У Тимура, когда он в последний раз ушел на работу, в карманах было десять разных удостоверений личности с фотографиями – то, что он артист оркестра «Норд-Ост», что артист оркестра Министерства обороны, паспорт, водительские права... И в придачу – записная книжка с телефонами всех друзей и родственников...

² в здание на Дубровке . – Прим. авт.

Но в итоге 28 октября семья получила его тело с резиновой биркой, привязанной к руке, на которой значилось:

«№ 2551

Хамиев

Неизвест.».

– Как это могло произойти? – Спрашивает Роза Абдуловна. – Почему «Хамиев»? И почему если уж «Хамиев», то «неизвест.»? И почему мы его ТАК искали? Открой телефонную книжку, набери любой номер, спроси: «Кто такой Тимур Хазиев? Знаете такого?» И тут же бы дали наш телефон...

Мать Тимура имеет в виду день после штурма – длинный день 26 октября, который семье Хазиевых тоже теперь не забыть никогда.

– С утра до четырех вечера его фамилии не было нигде, ни в одном списке заложников, которые оглашали власти, – рассказывает Тукай Валиевич. – Когда мы уже объездили все морги и больницы, вдруг появляется... Небольшой список, человек на двадцать, и в нем Тимур, и там значится, что он жив, находится в 7-й больнице. Я позвонил жене, сказал: «Все в порядке». Мы от радости плакали, друзья нас поздравляли... Мы с Татьяной скорее поехали в больницу.

Но у ворот ее стоял охранник и никого не пускал – говорил, что запрет прокуратуры. Таня плакала. И охранник, сжалившись, шепнул Тукаю Валиевичу, что это плохо, что «ваш» здесь – значит, безнадега... Таня услышала и стала просить, чтобы пропустили внутрь, – охранник пожалел во второй раз и открыл ворота.

Внутри больничных коридоров было пусто, а потом им навстречу вышел милиционер с автоматом на пузе.

– Знаете, ну прямо человек без души, – говорит Таня. – Ни слова: «Крепитесь, держитесь». Прямо мне в лоб: «Он умер. Идите отсюда». Я, конечно, кричала минут двадцать. И тут сбежались врачи: «Кто вас сюда пустил?».

Когда Таня пришла в себя, стала просить разрешения попрощаться с Тимуром. До вскрытия. Ей отказали. Она все просила и просила. Милиционер парировал: «К Путину идите за разрешением». Появились те самые сотрудники прокуратуры, троица: «Ну, куда спешите? Еще успеете крышку гроба закрыть!». И еще: «Фамилия? Хазиев? Чеченец?».

Вот в этом и оказалась главная проблема Тимура Хазиева. Его татарскую фамилию правоохранители «на глазок» приняли за чеченскую, и все дальше пошло автоматически, в соответствии с господствующей идеологией.

Семья уверена теперь: причина смерти Тимура в том, что, приняв его за чеченца, ему намеренно не оказывали помощь. Когда мужчины Хазиевы забирали тело Тимура из морга, на груди было крупно написано: «9.30», время смерти, наступившей в 7-й больнице. И больше ничего на теле – ни одного следа от капельницы, либо укола, либо вентиляции легких... «Сверху» была установка чеченцев уничтожить, и Тимуру, как «чеченцу», реанимация не полагалась. Четыре с лишним часа после штурма он просто лежал и умирал – установки о спасении не поступало... Тимура убила государственная идеология...

– Мы ничего не стоим в нашей стране. Мы – человеческий мусор. Вот и вся история о моем Тимурке, – последние Танины слова.

...Когда 26 октября Таня и Тукай Валиевич стояли под больничными воротами, в квартиру, где жили молодые Хазиевы, попытались пройти человек двадцать: и в форме, и в гражданке. Соседка выскочила и еле отбила: ей объяснили, что «по сигналу» из больницы, якобы тут проживал чеченец...

Что теперь делать семье Хазиевых? Утереться и умолкнуть?

– Когда мы, истцы, говорили обо всем этом в Тверском суде, – вспоминает Тукай Валиевич, – Горбачева делала вид, что не понимает, о чем мы. Она уверена: помогали всем без исключения.

Естественно, у Хазиевых на руках – справки о смерти, в которых отсутствует «причина смерти». Там пустое место. Ни намек, что вообще был теракт – то есть, в дополнение к госидеологии-убийце, против Тимура и его семьи работает госсистема юридического вымарывания вещественных доказательств.

– Но вы, наверное, спросили сотрудников прокуратуры, почему в графе «причина смерти» – прочерк?

– Конечно, 28 октября. И они объяснили, что это просто формальность, чтобы нам можно было быстро подготовиться к похоронам, а потом, мол, когда будут известны результаты вскрытия, «обязательно впишут»...

– Вписали?

– Нет. Конечно.

Это типичный ответ: у нас не ждут правды от власти, власть – источник в лучшем случае неприятностей, и это несмотря на все официально высокие рейтинги власти. Недавно в администрации президента создан специальный департамент по формированию «правильного» имиджа страны и президента за рубежом. Концепция улучшения данного имиджа – чтобы негатив о стране и Путине не слишком проникал

за границу, и Россия хорошо смотрелась глазами иностранцев. Вот было бы здорово, чтобы, наконец, там же, при администрации, появился специальный департамент, сотрудники которого были в ответе за неуклонное улучшение имиджа страны и президента в глазах собственных граждан...

– Неужели Путин не мог уступить? Сказать: «Войну заканчиваю»? И наши были бы сейчас живы?... – Все повторяет и повторяет Тукай Валиевич. – Я хочу знать, кто виноват в нашей трагедии. И больше ничего я не хочу.

...Из последних их семейных новостей: недавно Таня завела Кирюшу и Фросю. Черепаху и кота. Чтобы было, к кому возвращаться. Сонечка, хоть и не понимает, что случилось с папой, – маленькая еще, а домой, где папы нет, идти после садика не хочет... Еще: недавно позвонили из реанимированного «Норд-Оста», предложили билеты на мюзикл, который с 8 февраля вновь поет и пляшет. Отказались, конечно, но там сказали, что в любой момент... Сомнительная затея: изображать счастье на месте братской могилы. Какие же мы простые... Такие простые, что тошнит.

История третья.

Сираджи, яхта и все-все-все

Чеченцам теперь может позавидовать разве что сумасшедший – тем чеченцам, которые живут в нашей стране. И раньше-то было несладко, но в последнее время, после теракта, машина государственной мести крутится на последней, пятой, этнической скорости. Погромы и чистки под эгидой милиции стали рутинной. В один миг рушатся жизни, люди теряют жилье, работу и опору под ногами... А причина только одна: ты, он, она – чеченцы. Их жизнь в Москве и многих других городах не просто невыносима – с наркотиками, подброшенными в карманы, с патронами, вложенными в руки, и одновременным же отправлением на несколько лет в тюрьму – эта жизнь превратилась в кошмар изгоя наяву, в беспросветный тупик, по которому сколько ни топай туда-сюда, все равно никуда не придешь. И эти будни касаются всех – от семилетнего мальчика до восьмидесятилетнего старца.

... – Когда ОНИ заговорили по-чеченски, прервав второй акт, я поняла, что все очень серьезно. И будет совсем плохо. Я это сразу как-то очень четко поняла... – Яха Несерхаева, 43-летняя москвичка, по профессии и месту работы экономист, чеченка, родившаяся в Грозном, но давно перебравшаяся в столицу, 23 октября пошла посмотреть мюзикл «Норд-Ост». Давняя подруга Галя из северного города Ухты купила билеты на 13-й ряд партера и вытащила ее из дома. Яха – не любительница мюзиклов, но Галя очень просила составить ей компанию.

– А вы ИМ сказали, что вы – чеченка?

– Нет. Я боялась. Я не знала, как лучше: сказать или не сказать. Могли бы и застрелить за то, что чеченка на мюзикле.

Яха газа не увидела – хотя многие из заложников заметили белые клубы неизвестно чего. Яха просто услышала со своего места, как другие закричали: «Газ пустили!» И через несколько секунд отключилась.

Она пришла в себя только в больнице – тоже в 13-й, куда привезли тогда многих, например Ирину Фадееву, героиню первой истории, среди прочих. Яху очень сильно рвало, она мало что понимала, но вскоре перед ней появился следователь.

– Он спросил мое имя, фамилию, где живу и родилась, как попала на «Норд-Ост»... Потом пришли две женщины и забрали мою одежду на экспертизу, сняли отпечатки пальцев. Следователь пришел к вечеру и сказал: «У меня плохие новости». Первое, о чем я подумала, было, что подруга, с которой я ходила на мюзикл, умерла. Но он: «Вы

задерживаетесь за пособничество террористам». Это был шок. Но я встала и сама пошла за следователем – в больничных тапочках и халате. Сначала на двое суток меня привезли в 20-ю больницу³, где никто ни о чем не спрашивал, и лечения тоже не было. Собственно, меня вообще не лечили... В конце вторых суток в 20-й больнице опять пришел следователь – меня сфотографировали и записали образец голоса. Через несколько минут после этого визита принесли какое-то пальто и мужские ботинки, надели наручники, сказали: «Вам надо лечиться в другой больнице». Посадили в милицейскую машину, привезли минут на десять в прокуратуру, а потом – в тюрьму, в «Марьино»⁴. Вот так – в ботинках на босу ногу на три размера больше, в грязном мужском пальто, невымытую и нечесаную неделю, меня привели в камеру. Надзирательница только и сказала: «Ну, чума болотная...».

– Вас в изоляторе допрашивали часто?

– Меня вообще не допрашивали. Я просто сидела и просила охранницу о встрече со следователем...

Яха говорит тихо, медленно, без всяких эмоций. Она вообще кажется маловменяемой. Если бы точно не знать, что Яха живая, можно подумать, что она мертва. Глаза расширены – смотрят в одну точку. Лицо неподвижно. На фотографии в паспорте – будто совсем иная женщина, другое выражение лица, там гордычка и красotka.

Впрочем, время от времени Яха все-таки пытается улыбнуться, но за две недели, проведенные в тюрьме, ее мышцы забыли, как складываться в улыбку. Она ведь там думала, что все, уже конец, и ее ничто не спасет, положение – хуже некуда по нашим временам. К тому же милиционеры, перевозившие ее из 20-й больницы в «Марьино» – и единственные, кто с ней разговаривал о ее будущем, пока ехали, – они-то ей и сообщили, что «она ответит за всех», поскольку террористов уничтожили, «она одна осталась»...

Но под занавес был хеппи-энд. Ведь так и положено в мюзиклах.

Друзья Яхи Несерхаевой, забившие тревогу, срочно нашли адвоката, тот сумел чудом пробить стену, казавшуюся абсолютно непробиваемой. И на десятые сутки Яху отпустили из тюрьмы. По нашим нынешним расистским временам следователи прокуратуры одного из округов столицы, работающие в составе

³ специальная больница закрытого, тюремного типа. – Прим. авт.

⁴ название московского женского изолятора временного содержания – Прим. авт.

следственно-оперативной группы по расследованию уголовного дела № 229133 (захват «Норд-Оста»), не найдя НИЧЕГО против Яхи, просто ОКАЗАЛИСЬ ЛЮДЬМИ – и не стали ничего придумывать, как многие другие их коллеги сегодня, когда им в руки попадают чеченцы, не принялись подтягивать обвинение к человеку, подбрасывать, издеваться, глумиться... То бишь, мстить чеченке только потому, что она – чеченка. И это теперь такая редкость среди нас...

Более того, объявив Яхе, что она свободна, еще и извинились перед ней, посадили в машину и отвезли домой. Спасибо старшему следователю, юристу первого класса В. Прихожих. А также сотрудникам ОВД «Богородское», которые выдали Малике, старшей сестре Яхи, срочно сорвавшейся из Грозного в Москву, чтобы помочь Яхе встать теперь на ноги, специальную бумагу, что она, Малика, может находиться в Москве, поскольку член ее семьи нуждается в постоянном уходе. Выдали, зная, что без этой бумаги чеченка в сегодняшней Москве не может выйти за порог – она будет сразу арестована...

...Аэлите Шидаевой – 31 год. Она – тоже чеченка, с начала нынешней войны живет с родителями и дочкой Хадижат в Москве. Аэлиту арестовали прямо на работе, в кафе у станции метро «Марьино». Она рассказывает свою историю спокойно и сдержанно, без слез и истерик, приветливо улыбаясь. И может даже показаться, что ничего особенного она не пережила. Правда, если не знать, что в тот момент, когда ее наконец вывели из отделения милиции «Марьинский парк» через семь часов бесконечных допросов, она тут же упала без сознания...

– Странно как-то было... Сначала один милиционер, как всегда, пообедал у нас в кафе – они у нас все обедают, отделение в ста метрах от нашей входной двери. И я никогда не скрывала от них, что чеченка, убежавшая из Грозного от войны. И этот милиционер поел и вышел... И тут же ворвались остальные – человек пятнадцать во главе с нашим участковым Васильевым, он меня тоже отлично знает. Всех поставили к стенке, обыскали, а меня забрали.

– А что «они» спрашивали?

– Какие у меня отношения с террористами? А я им объясняла: «Вы же все сами видели! Я была перед вашими глазами по 12 часов ежедневно, с 11 до 11!».

– А они?

– «С кем из террористов ты ходила в ресторан?»

– А я в Москве ни разу в ресторане и не была, у меня другой образ жизни. Мне говорили, что если я не сознаюсь в связях с террористами, то мне подкинут наркотики

или оружие. Допрашивали по очереди. Мимо ходили какие-то мужики в форме и смотрели. Следователь тогда сказал, что если я не признаюсь в связях с террористами, то он отдаст меня этим ребятам «на съедение», а они только и ждут этого, потому что «у них все говорят».

Прямо в милиции Аэлите объявили, что с работы ее уже уволили. Следователь сказал, что они потребовали этого от хозяина кафе, иначе заведение закроют... А освободили ее только потому, что учительница русского языка Макка Шидаева, мама Аэлиты – ну, просто прирожденная правозащитница, она «поставила на уши всю Москву» (из лексики милиционеров отделения «Марьинский парк»). Макка позвонила на радиостанцию «Эхо Москвы», подключила знаменитого адвоката Абдулу Хамзаева и многих других, и, несмотря на то, что в отделении милиции продолжали талдычить, что Аэлиты «у них нет», все равно – под давлением вынуждены были ее освободить.

Аэлита сейчас не в шоке – нет, конечно. Она все понимает, только говорит, что надо уезжать из Москвы.

– Обратно в Чечню?

– Нет. За границу.

Макка – против этого. Нет, она не против, чтобы дочь увезла внучку – Хадижат надо учиться, вопреки всем бараевцам и супер-бдительной к чеченским девочкам московской милиции. Макка – против своего собственного отъезда, она не может себе представить, как станет жить не в России... Но точно так же не может понять, чего хочет эта Россия от Аэлиты, ее самой и Хадижат – трех поколений современных чеченских женщин? Взрослого – большая часть жизни которого прошла в СССР. Молодого – так и не пожившего всласть, только и знавшего, что бегать с места на место, от одной войны до другой. И совсем юного – всматривающегося пока, внимательно вслушивающегося во все то, что творится вокруг. И молчащего. Пока еще молчащего.

Классная руководительница Хадижат только что в явном смятении позвонила Аэлите и сказала: нужно принести справку, что Аэлита – мать-одиночка (а где взять такую справку?). А если справки не будет (все остальные документы в полном порядке), то она, учительница, «и не знает, что делать»... Хадижат выкидывают из школы, девочке-чеченке, которую привезла семья в Москву, чтобы выучить (со школами в Чечне туго), после 26 октября 2002 года нет места в пятом классе столичной школы № 931.

– А я даже не могу понять, – говорит Аэлита, – мое «материнское одиночество» – это «за» Хадижат или «против»? Кому тут доверять?...

...Абубакар Бакриев уже несколько лет занимал скромную техническую должность в организации, именуемой «Первый республиканский банк» – но теперь Абубакар совершенно свободен от всяких обязательств. И это случилось очень просто и буднично. Абубакара позвал заместитель председателя организации по безопасности и сказал: «Пойми правильно, из-за вас у нас будут проблемы. Пиши заявление по собственному желанию».

Сначала Абубакар не слишком поверил. Но начальник добавил, что «они» просят написать заявление задним числом – например, 16 октября, чтобы получилось прилично и никто бы не смог укорить, что уволили Бакриева по этническому посленордостовскому цензу в связи с тем, что он чеченец...

Вот как: палачи убивают (а увольнение сегодня для чеченца – смерть, другой работы не найти) – и еще хотят и понимания... Особый акцент нашей с вами современности: подойти к жертве и этак, прямо ей: «Жертва, я тебя убью не потому, что я – плохой, меня просто заставили, но ты, жертва, должна так все представить, что я и не палач вовсе...».

В один с Абубакаром день из банка уволили дагестанца – тоже добровольно-принудительно и задним числом. Он был на скромной должности, но на всякий случай его «зачистили» – чтобы никаких лишних вопросов банку уже и по поводу вообще выходцев с Кавказа не оказалось.

– Первый республиканский банк зачищен, – говорит Абубакар. – Правоохранительные органы могут спать спокойно. Мне 54 года. Куда идти, не знаю. Уже трижды приходила домой милиция, смотрели, как я живу с тремя детьми. Вы делаете нас врагами. И должны понимать, что нам ничего не остается, чтобы требовать независимости... Потому что где-то же должна быть земля, на которой мы смогли бы жить спокойно. Дайте нам, пожалуйста, любое место на земле. И мы там начнем жить...

...Исита Чиргизова и Наташа Уматгариева – чеченки, живущие в центре временного размещения вынужденных переселенцев в поселке Серебряники в Тверской области. Мы познакомились в 14-м отделении милиции Москвы. Исита оттирала чернила после дактилоскопии. Наташа плакала не переставая. Их только что отпустили – это свершилось чудо по нынешним временам, милиционеры сжалились.

Утром 13 ноября с женщинами случилась типичная современная чеченская история. Они приехали в Москву ранним поездом – за гуманитарной помощью в одну из

правозащитных организаций. У этой станции, в двух шагах от входа в организацию, их и арестовали, потому что Наташа хромала – у нее открытая диабетическая язва на ноге, и значит, это подозрение на ранение, на то, что была боевичкой. А Исита – беременна на седьмом месяце, то есть живот уже очень заметен из-под куртки в том самом месте, где... были пояса у террористов-камикадзе. Только не смейтесь, но именно так объяснил причину задержания дежурный по 14-му отделению майор Любезнов, оказавшийся человеком вовсе не любезным и даже готовым, ради всеобщей антитеррористической безопасности страны, собственноручно ощупывать беременный живот чеченки, чтобы лично удостовериться в его «подлинности». Боже.

История с Иситой и Наташей закончилась хорошо – милиционеры лишь наговорили женщинам кучу гадостей про то, как «вы нас убиваете, а мы вас», да еще и не успел опозориться майор Любезнов, и к тому же удалось сделать две принципиальные в таких случаях вещи: во-первых, успеть перехватить женщин в отделении, пока их еще не увезли в СИЗО, и, во-вторых, убедить начальника 14-го ОВД Владимира Машкина (и он захотел быть убежденным), что люди иногда ходят за гуманитарной помощью и ходят они за ней именно потому, что бедны, лишены возможности работать и нет дома...

...Зара работала продавщицей овощей у станции метро «Речной вокзал». Хозяин рыночка подошел и сказал Заре: «С завтрашнего дня на работу выходи. Потому что чеченка». А Зара одна содержит семью – троих детей и мужа-туберкулезника. Ну, при чем тут, согласитесь, милиция?...

...Аслан Курбанов всю войну прожил в палаточном лагере в Ингушетии. Летом поехал поступать в институт в Саратов, потом перебрался в Москву, жил у своей тети Зуры Мовсаровой, аспирантки Московского авиационно-технологического института, устроился работать и получил официальную регистрацию на право проживания в столице.

28 октября к ним домой пришли сотрудники уголовного розыска 172-го отделения милиции (район «Братеево»). Накануне Зура, по просьбе участкового, сама прошла процедуру дактилоскопии, и поэтому, когда милиционеры сказали, что Аслан всего лишь должен проехать с ними, чтобы снять отпечатки пальцев, никто в семье даже не насторожился. Аслан оделся и сел в милицейскую машину.

Через три часа Зура забеспокоилась: племянника все не было, и она пошла в отделение. Там ей сообщили, что Аслан арестован за то, что у него в кармане обнаружены наркотики. То есть, что выходит? Встал, оделся, положил в карман наркотики и поехал

в милицию сдаваться?... Аслан успел крикнуть Зуре из «обезьянника», что его завели в комнату, достали из-под стола анашу, сказали: «Это будет твое. Потому что мы чеченцам жизни не дадим. И всех вас так засадим».

А Артур вообще-то даже не курит... 30 октября в тюрьме «Магросская Тишина» он отметил свое 22-летие...

...25 октября утром в квартиру московских чеченцев Гелагоевых ворвались милиционеры. Алихану, хозяину квартиры, надели наручники и увезли. Марем, его жена, бросилась за помощью в милицию – отделение «Ростокино». Но там сказали: «Наши сотрудники никуда не выезжали». Марем позвонила на радиостанцию «Свобода». Сообщение о похищении Алихана Гелагоева прошло в эфир, и к вечеру его отпустили: что-то там сработало...

Аслан рассказал, что в машине, куда его посадили, ему на голову надели мешок и долго били, пока ехали на Петровку – так называется улица Москвы, где располагается центральное городское милицейское управление. И орало: «Вы нас ненавидите, и мы вас ненавидим! Вы нас уничтожаете! И мы вас будем уничтожать!».

Но на Петровке Алихана уже не били, а много часов уговаривали подписать признание в том, что он был идейным организатором теракта в «Норд-Осте». (Так, собственно, и происходило все в сталинские годы). Причем признание было заранее составлено – как и тогда, и требовалось только подмахнуть его.

Алихан отказался. Но в обмен на свободу его все-таки заставили расписаться в том, что он «добровольно явился в ГУВД⁵ Москвы» и «претензий к сотрудникам не имеет»...

Расизм? Да. Ад? Конечно. Но еще и циничная имитация борьбы с терроризмом. Поэтому не верю ни в одну цифру, которую сегодня произносят милиционеры, рапортуя о ходе операции «Вихрь-Антитеррор»: мол, столько они поймали «пособников террористов». Эти цифры – липовые. Липовые милиционеры. Пишут липовые бумажки. На основании липовой работы.

А террористы-то в это время где? Что делают? А кто знает... У нашей милиции на них времени нет. Путин виноват в возврате в страну методов советского очковтирательства вместо работы.

⁵ *главное управление внутренних дел.* – Прим. авт.

... – Дознаватели в милиции меня успокаивали так, – рассказывает 36-летний Зелимхан Насаев, – «Ничего, три-четыре годика посидишь, и все. А может, и условно дадут. Подпиши, легче будет...».

Зелимхан живет в Москве уже несколько лет – его семья уехала от второй чеченской войны вслед за старшей сестрой Зелимхана Инной, давным-давно перебравшейся в столицу.

– Били в милиции?

– Конечно. В три ночи подняли и говорят: «Под пресс его». Через что-то твердое били по почкам и печени. Требовали, чтобы подписал признание. А я отказывался... Отвечал: «Прессуйте. Можете расстрелять, я на себя ничего не возьму». Все время говорили мне: «А зачем ты, чечен, сюда приехал? Твоя родина – Чечня. Вот и сиди там, со своей войной разбирайся». А я им: «Моя родина – Россия, и я – в своей столице». И они очень на это злились. Чтобы вывести меня из себя, один из милиционеров говорил: «Вот только что послал твою мать на три буквы».

Если бы знал тот оперуполномоченный в отделении «Нижегородская», кого он посылал на три буквы и шантажировал, и кого лупил и уламывал взять на себя преступление ради повышения его посленорд-остовской отчетности «борьбы с чеченским криминалом в столице»... А может, хорошо, что не знал...

Роза Магомедовна Насаева, между прочим, внучка, а Зелимхан, соответственно, правнук легендарной русской красавицы Марии-Марьям из семьи самих Романовых, родственницы императора Николая Второго, как-то влюбившейся без памяти в офицера царской армии чеченца Ваху, сбегавшей с ним на Кавказ, вопреки воле семьи принявшей там мусульманство и имя Марьям, родившей ему пятерых детей, прошедшей с ним депортацию в Казахстан, схоронившей его там, вернувшейся в Чечню и умершей там в 60-е годы на правах почти что чеченской святой... В общем, красивая и известная на Кавказе история о российско-чеченской любви и дружбе, но не о ней сейчас речь... Потому что от оголтелой сегодняшней московской милиции, решающей свои проблемы под маркой общей трагедии, Зелимхана не может спасти ничто, пусть в нем течет хоть десять, из разных стран, императорских кровей. С Зелимханом – хоть он и на кусочек Романов, поступили так же, как поступают с остальными чеченцами.

Есть такие места в Москве, куда совсем не тянет. Дыры, одним словом: на задворках заводов, внутри промышленных зон и под высоковольтными линиями. Вот там и ищи чеченцев, пытающихся выжить в столице. Шоссе Фрезер – одно из таких мест –

неуютная полоска асфальта, уходящая от Рязанского проспекта куда-то в промышленно-барачную, совсем не столичную даль, вдоль старых кирпичных пятиэтажек, с трудом похожих на жилье.

Собственно, они таковыми и не являются – согласно документам, тут цеха завода «Фрезер», которого, по сути, тоже давно не существует, он развалился вместе с перестройкой, его рабочие разбрелись, а заводское начальство живет тем, что собирает деньги с тех, кому сдает в аренду бывшие цеха и другие помещения. Вот в одном из таких бывших заводских помещений – грязном и разворованном, в 1997 году появились первые чеченские беженцы. Это были те, кто уходил от межвоенного начинающегося бандитского разгула в Чечне, главным образом члены семей оппозиции Масхадову и Басаеву. Руководство завода «Фрезер» разрешило им собственноручно восстановить «цеха», превратить их в жилье и платить дань за пользование напрямую руководству.

И до сих пор чеченцы там живут, и Насаевы – одни из них. Одна из 26 семей. Местная милиция знает всех отлично, никто тут ни от кого не бежит и не прячется, потому что ни у кого нет такого желания, да и бежать дальше им некуда...

Когда случился «Норд-Ост», милиция из отделения «Нижегородская» первым делом пришла сюда, разъяснив людям, что им сверху «спущен план» в виде 15 посаженных чеченцев «с каждой территории». Всех мужчин из 26 семей посадили в подогнанные автобусы и повезли на дактилоскопию.

Беда Зелимхана Насаева-Романова оказалась в том, что дома как раз-то его в этот момент и не оказалось, он повез очередную партию надомной работы (семья собирает дома ручки) и должен был взять детали для следующей порции...

Вскоре за потомком императорской семьи в бывший заводской барак приехали отдельно. Сказали: «На дактилоскопию». И Роза Магомедовна отпустила его спокойно. Волноваться семья стала несколько часов спустя, когда сын все никак не возвращался, и, наконец, мать и отец Насаевы, забеспокоившись, сами отправились в милицию, где им сообщили типичное: «У вашего сына в кармане – запал с гранатой. Мы его задержали».

– Я закричала: «Вы не имеете права! Вы же сами его увезли! Он же с вами вышел из дома! И ничего в карманах у него не было! Вокруг было полно свидетелей!» – рассказывает Роза Магомедовна. – Но милиционеры мне ответили: «Чеченцы для нас не свидетели». Мне стало так обидно... А кто же тогда мы? Не граждане?

В ту ночь мать ушла ни с чем. А когда вернулась утром, ей добавили: «Еще ваш сын торгует анашой. Помочь ему нельзя».

– Меня привезли и завели в кабинет, – говорит Зелимхан. – И слышу: «Ты героином торгуешь». Старший из них пакетик держит в руке и произносит: «Это уже твое». Мои руки – в наручниках, мне пакетик кидают в карман, я начинаю возмущаться. Тогда они: «Ну, тогда еще запал от лимонки...». И вижу, уже этот запал старший тряпочкой протирает, чтобы не было «чужих» отпечатков, мне в руки его сует и протоколирует. Я опять в крик: мол, не имеете права! А они мне говорят: «У нас разнарядка. Имеем. А если по-хорошему не согласишься помочь нам и взять дело на себя, то и твои родственники вслед за тобой пойдут, сейчас поедem к тебе с обыском и там найдем другую часть той же гранаты. Подписывай акт признания».

Зелимхан упорствовал и так ничего и не подписал. Били, обещали забить так, что ни одному адвокату «не покажем». Отпустили, потому что за Зелимхана заступились журналисты и депутат Думы Асламбек Аслаханов. Сидит теперь Зелимхан дома, в бараке, в глубокой депрессии – боится любого стука в дверь. Депрессия, собственно, главное качество всех чеченцев, которые живут рядом с нами. Нет ни одного оптимиста – ни среди молодых, ни среди старых. Не встречала. Все – апатичны и ждут от жизни самого плохого. Мечтают о загранице только потому, что там есть шанс затеряться в разноликой космополитичной толпе и хранить главную свою тайну – национальность. Так глубоко, чтобы никто ее не тронул... До чего же мы все докатились...

– В стране – очередная милицейская античеченская вакханалия, – это точка зрения Светланы Ганнушкиной, главы общественного комитета помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие». Именно в этот комитет теперь идут за помощью люди – чеченцы, родственники тех, кого забрали, кого дактилоскопировали, кому подложили наркотики или патроны, кого выгнали с работы, кому пригрозили депортацией (господи, куда депортировать граждан России из столицы России?). Они идут к Ганнушкиной, потому что идти им больше некуда.

– Старт этой новой волне оголтелого государственного расизма, официально именуемого операцией «Вихрь-Антитеррор», – продолжает Светлана Алексеевна, – был дан сразу после штурма театрального комплекса на Дубровке. Чеченцев выкидывают отовсюду – главное, с работы и из квартир. Это сведение счетов с целым народом за действия конкретных лиц. Главный метод дискредитации по этническому признаку – фальсификация уголовных дел методом подброса наркотиков или патронов. Милиционеры выглядят «галантными», спрашивая жертв: «Тебе что? Наркотик? Или

патрон?». Спасаются только те, у кого есть такие мамы, как Макка Шидаева. А у кого их нет?...

А мы что? Мы – народ?

...В чеченской семье – трое девочек. Одна поступила в музыкальную школу, две – нет, и родители попросили учительницу поступившей давать частные уроки на фортепиано двум непоступившим. На этой неделе учительница отказала в уроках. Директор музыкальной школы – в коллективе все, конечно, про все знали, запретила ей это делать, сказав, что так приказали из управления культуры, и если учительница будет продолжать ходить к чеченцам, то ею самой заинтересуются «в органах»...

Вот это уже мы... Мы – народ... Российский люд в большинстве своем соглашается с государственной ксенофобией и анти-расистскими акциями протеста на такой «антитеррор» не отвечает. Причина? Официальная пропаганда работает очень эффективно, и большинство разделяет убеждения Путина о коллективной ответственности народа за преступления, совершенные отдельными его представителями. Потому что это просто – разделять подобные примитивные убеждения.

В России, таким образом, совершенно неясно, несмотря на идущую несколько лет войну, теракты, катастрофы и потоки беженцев: а что же власть действительно хочет от чеченцев? Чтобы они все-таки жили в составе России? Или – нет?

Напоследок – совсем уж простая история: про обычных, живущих в России людей, подверженных государственной истерии...

... – Тебе часто в школе замечания делают?

– Часто... – вздыхает Сиражди.

– И за дело?

– За дело... – опять вздыхает.

– А за какое?

– Я бегу-бегу по коридору, кто-то об меня стучается, и я всегда сдачи даю, чтобы меня не обижали, а потом меня спрашивают: «Это ты ударил?», и я всегда честно отвечаю: «Я», а другие не отвечают, и получаю замечания...

– Может, и тебе тоже не отвечать? Проще будет?

– Нельзя, – уж совсем тяжело вздыхает. – Я не девчонка. Если сделал, говорю: «Сделал». «А вы знаете, что он старается таким образом подставить подножку кому-то из наших детей, чтобы ребенок обязательно ударился виском... И умер...».

О боже... Это уже не он о самом себе, а взрослые о нем. Не о спецназовце, натасканном на уничтожение террористов. А о семилетнем чеченском мальчике Сиражди Дигаеве – наблюдения вслух одной очень взрослой женщины, члена родительского комитета 2 «б» класса 155-й московской школы, где мальчик учится.

«А вы знаете, мой ребенок жалуется, что у Сиражди вечно ничего нет, а у меня есть, и я должен давать...» – это другой член того же комитета, мама.

Жалуется? А что тут жаловаться? И ДОЛЖЕН ДАВАТЬ, когда у другого, рядом, чего-то нет...

«Он всем мешает. Вы поймите! Мой сын объяснил мне, почему он не записал домашнее задание в классе. Потому что Сиражди так мычал, что он ничего не слышал... Сиражди неуправляем. Как все чеченцы. Поймите!» – говорит еще одна родительница.

В наших разговорах мы идем все дальше и дальше. Сидя в пустом школьном классе. Второклассники разошлись по домам – родительский комитет решает, как вычистить из школы маленького чеченца и «чтобы наши дети не учились плохому у возможного будущего террориста».

Наверное, вы думаете, что это ирония? А это, между прочим, цитата...

«Вы поймите нас правильно! Хотя он и чеченец, но мы на нации не делим... Нет! Мы просто хотим оградить наших детей».

Но от чего?... Однажды, в ноябре, родительский комитет 2-го «б» созвал классное собрание с целью предупредить папу и маму мальчика Сиражди, что в случае если они не примут к нему мер до Нового года, и он, «хоть и чеченец» (опять цитата), не станет себя вести до поставленного срока так, как это поведение понимает родительский комитет, то они обратятся в директору 155-й школы с требованием выгнать ребенка из школы.

«Ну, ответьте мне, ну почему они все в Москву лезут?» – наконец прет главное. Это одна из членов родительского комитета, уже спустя неделю-две, пытается объяснить, почему они ТАК решили.

А почему, собственно, и не в Москву?... Кто сказал, что этот город чем-то отличается от других? И что здесь живут такие особенные люди, приближение других граждан России к которым плохо сказывается на их самочувствии?

«Почему это вы говорите, что ИМ трудно! – почти кричит еще одна родительница. – А кто спросил, как трудно нам! И почему нашим детям легче, чем ЕМУ?».

Почему? Сиражди – мальчик, который родился в 1995 году в Чечне. Его мама Зулай, беременная, бегала под обстрелами и бомбежками, о которых она никого не просила... Бегала, потому что другого выхода не существовало в начале первой чеченской войны. И сегодня Зулай очень непросто видеть, что хоть и переехали они в столицу уже в 96-м и ее младший сынок почти всю его жизнь москвич, а все равно при салютах и грозе он очень пугается, прячется и плачет и не может объяснить, почему...

«Ах, так ОНИ еще и не чувствуют себя дома? – Всплывает раздраженный голос еще одного члена родительского комитета. – Так ОНИ еще и со своим уставом в наш монастырь! Нет уж!».

Дело в том, что Альви, папа Сиражди, придя на то собрание, выслушав все, что ему хотели сказать, тоже взял слово и посмел поделиться своей болью, пытаясь объяснить, что не так все просто в их московской жизни, что, его, отца, на глазах у детей милиционер тут матом посылает и заходит в их комнату в сапогах, и он, отец, ничего не может с этим поделать, и дети все видят...

Еще Альви тогда говорил, что главное, ради чего их семья здесь, а не в Чечне, несмотря на то, что тут им так неудобно, – это чтобы выучить своих детей не в условиях войны. И что Зулай – педагог-математик, торгует здесь на рынке, не умея торговать, а по ночам они вместе крутят куриные рулеты, а утром несут на продажу... Вся их с Зулай жизнь – только ради детей, чтобы они получили хорошее столичное образование...

«Нет, смотри! Вот ведь лезут прямо в центр Москвы! И чтобы квартира была за 500 долларов!» – так откомментировал папин душевный крик родительский комитет.

«Мы не хотели, чтобы моя дочь (сын) учились с ТАКИМ в одном классе». – Услышали приговор папа и мама на том собрании. И обиделись, конечно. А вы бы не обиделись?

«А что – мы не имеем права хотеть?...» – восклицали члены родительского комитета.

Конечно, имеете. Только кто сказал, что вы – не скинхеды? Самые натуральные? Даром что не бритоголово-замаскированные?

Стоит напомнить одну старую историю, прошлого века. Она начиналась похоже. Вот только закончилась по-другому. Когда в одну европейскую страну вошли фашисты, всем евреям было велено нашить желтые звезды для простоты определяемости. И тогда желтые звезды нашили все горожане, чтобы спасти... И евреев. И себя – от того, чтобы не превратиться в фашистов. И их король был вместе с ними...

У нас же в Москве теперь все наоборот. Когда власть вдарила по чеченцам, живущим рядом с нами, мы не нашили своих желтых звезд из солидарности с ними. И более того, занялись прямо противоположным: мы играем в «нацию победителей», мы выжигаем

на их спинах «знаки отличия». Мы делаем так, чтобы чувство изгоя не покидало Сиражди никогда.

...Мальчик показывает мне свою тетрадку по русскому – я его об этом прошу. Там – весь джентльменский набор. То «2», то «3». Да и пишет Сиражди неаккуратно, о чем ему почти на каждом тетрадном развороте напоминает Елена Дмитриевна, его первая учительница, выводя слова наставлений своим натренированным каллиграфическим почерком (35 лет педагогического стажа, и все в начальной школе)...

Она, Елена Дмитриевна, не поддержала родительский комитет в его стремлении избавиться от чеченского мальчика. Но и не «нашила желтых звезд» – не запретила категорически. Хотя и могла это сделать, прекратив гонения семьи Дигаевых силами нашей пресловутой «общественности».

...Сиражди крутится волчком – вообще-то ему совсем не хочется показывать тетрадку по русскому, он все стремится ее всяким хитрым способом подменить на тетрадку по математике, потому что там у него дела куда лучше. Сиражди – обычный мальчик, неподседливый и моторный, и, главное, ему очень хочется выглядеть самым лучшим. А кто, собственно, сказал, что все должно быть по-другому?... Скромненьким? Тише воды? Ниже травы? Как того хочет родительский комитет, раз Сиражди – «чеченец»?... Впрочем, и тетрадь по математике ему быстро надоедает. Он обещает нарисовать «меч и человека», для чего на скорости – он все делает на скорости – удаляется. А вскоре уже несет альбом с нарисованными контурами какого-то силача с крепкой мускулатурой из «Властелина колец». И меч «со светом»... Свет у Сиражди – это что-то этакое, слегка намалеванное желтым карандашом. А кто сказал, что есть каноны для изображения света?

«Вы знаете, мы ведь хотели ему только добра, – так сказали родители 2-го «б», поняв, что историей, которую они организовали против маленького чеченского мальчика под марку норд-остовских общественных настроений, заинтересовались журналисты. – Только добра...».

Но поверит ли в это «добро» Сиражди? Ведь он действительно дерется на переменах. И краски на уроке рисования в стену швыряет. И подножки одноклассникам ставит. И тем чаще это делает, чем больше ему доказывают, что во 2-м «б» он чужой...

Вот это и есть наши обычные будни после «Норд-Оста». Прошли месяцы, и постепенно выяснилось, что из ряда вон выходящая трагедия... Выгодна. Да-да, просто-напросто выгодна. И очень многим. И по самым разным причинам.

Начиная с президента с его природно-посконным цинизмом, который принялся откровенно состригать с этого ужаса со смертельным исходом лакомые международные дивиденды в собственную пользу, а также не брезговать и внутрироссийским пиаром на чужой крови.

И заканчивая школьными размовками в небольшой школе и рядовыми милицейскими работниками, с удовольствием подтягивающими свою «антитеррористическую» отчетность к Новому году ради получения премиальных. Оголтелый античеченский шовинизм и погромы первых дней после «Норд-Оста» переплавились в прагматичный стойкий расизм.

...«Так нам брать в руки оружие?» – спрашивают одни мужчины, и слышно, как в бессилии скрипят их зубы. «Все-о-о, не мо-гу-у-у!» – Стонут другие и падают головой в колени. Слабость, конечно. Которая им совсем не пристала – ведь на них смотрят их дети. Но что же делать?